

Гавриил Серов

Русское радио

1

— Борь, помер твой Иван Иванович. Спускался, видно, к почтовому ящику, тут и упал. Галина, почтальон, нашла.

Звонок жены оторвал от переговоров: май – горячее время, выбираем подрядчиков для строительства очередного московского бизнес-центра.

— Да как же так – помер? Эх, Иваныч, Иваныч... Ладно, после – сейчас занят.

Вечером, поднимаясь в лифте, вспомнил про смерть соседа. Дверь приоткрыта, чья-то возня: наверно, дочь – Ирина, кажется.

— Извините, вы ведь Борис, сосед?

— Да, Ирина... Ивановна, примите мои, как говорится, искренние...

— Вот ведь как случилось: никто не думал, не гадал. Другие в семьдесят еще даже и работают... Люди подумают – мы мало помогли. А я всегда – сыру, колбасы... А ведь и мне пожить хочется, молодая женщина.

— Да, безвременная смерть. Жалко, хороший был мужик, старый радист, интересно рассказывал.

— Смотрите – яблоки, помидоры, все было. Люди скажут, помогли мало. Да все у него было.

Дочь начала открывать и закрывать какие-то дверцы, хлопала с досадой.

— Теперь все это выкидывать, хлам его, радиочасти какие-то, делать ремонт – а иначе, говорят, дорого не сдашь квартиру!

— Может, внук что-то отберет – в память о деде? Записи его, книги.

— Да Алешке-то, боже мой, ничего этого не нужно – старья! Только и слышишь: купи, купи. Молодые да ранние... А ведь и мне надо пожить. Вот, письмо еще какое-то пришло, приглашение, что ли, как же надоели эти чертовы рекламщики!

Письмо полетело в черный мешок, в котором уже звякали выброшенные стариковские пузырьки.

Вышел, постоял на площадке. Похоже, что включили приемник: тихо играет музыка, а потом слова: «В эфире Русское радио». Вдруг кольнуло, что слышал от Иваныча на днях что-то такое... Может, просто память шалит?

2

Путь в машине домой – как всегда, под громкие звуки радио. А что, хоть немного проветрить голову от ежедневной офисной круговерти! Кстати же вот напомнили, что сегодня День радио. Надо завернуть к Иванычу – он у нас радист как-никак. Между прочим, лежит в бардачке бутылочка «бродячего Джонни», презентовали партнеры.

— Спасибо, Борис. Посиди, со мной, закуси. Хотя праздник и не радуется как-то.

— Что так, Иван Иваныч?

— Да какой же это день радио? Нынче стал днем связной отрасли вообще. Галка Синько – почтальон, так это и ее праздник, оказывается. А кого предьявляют публике в качестве героев дня? Ведущих этих ваших музыкальных станций, назойливых ди-джеев, или как там их.

— Ладно, дядь Ваня, не ворчи – у них своя работа, у нас своя. Ну, с праздником!

Выпили. Подцепили колбаски: хороша не по-пензионерски: дочь снабдила, наверное.

— Ну и вонюч твой вискарь... Вот ты, Борис, скажи: что есть радио – по-твоему?

— Честно? Недоделанное телевидение. Ну, компромисс – для авто, например. Создатель шумового фона, затычка для ушей.

— Вот то-то. А раньше слово «радио» несло иной смысл, строгий, даже элитарный.

Радио – это низкое гудение включенного трансформатора, набирающие накал баллоны радиоламп, таинственный рокот эфира, зарождающийся в изошренных внутренностях.

Это бессонная переключка судовых радистов с береговыми станциями, писк навигационных передатчиков, завывания потревоженной беспокойным солнцем атмосферы, скорая морзянка радиолобителя, сидящего в своем бунгало на берегу тропического залива, глуховатый джаз из провинциального американского городка.

Смоляной запах дымящейся канифоли, ртутные слезки припоя, блестящие лаком кембриковые трубки...

— Дядь Ваня, да ты задремал, что ли? Нет, я тебя понимаю вообще-то. Но, не обижайся: твоя ностальгия несколько смешна. Будто досада бывшего шофера при виде накрашенной девчонки за рулем. Тоска по тем временам, когда – в кожаной куртке, в очках-консервах, перемазанный автолом, восседал он, как король, на зависть мальчишкам. Времена меняются, пойми!

— Конечно, Борис, разве мне неясно? Но тут другое.

Кто-то обронил фразу: «Поэт в России больше, чем поэт». Она – о России двадцатого века. Но я добавлю, оглядываясь назад: и радио в нашей стране было чем-то большим, чем радио.

Хотя, если честно, то самой могучей радио-державой была когда-то Германия.

— Точно? Я слышал, в ракетной технике они опередили всех. Фон Браун и все такое...

— Верно, но и в радио их инженеры совершили столько, что другим странам хватило потом разбираться годы. Но я хочу сказать опять-таки не о том.

У нас, в Союзе – радио увлекло народ, подтолкнуло к творчеству, вообще как-то ухватило всех за живое. На наших русских просторах и дистанциях оно обозначило приход эпохи удивительных контактов меж людьми, единения (пусть нынче скажут – иллюзорного). И еще эпохи общедоступности культуры, информации.

— Ты, Иван Иванович, не преувеличиваешь ли?

— А представь, Борис, что к Робинзону на его остров протянулись вдруг ниточки из огромного мира. Народ, затерянный в островах деревень и городков на бесконечных наших заснеженных равнинах, вдруг обрел информацию, вкус к ней.

Люди, услышавшие впервые радионовости из Москвы, приходили слушать и назавтра – без этого им, оказывается, не о чем беседовать в своих избах! А ведь еще вчера как-то обходились.

Страна соединилась. Большие города пришли в «медвежьи углы». Моя мать в костромской деревне начала и говорить-то иначе, по-городскому: под стандарты произношения столичных дикторов.

— Пожалуй: я как-то не задумывался над этим...

— Но город дотянулся своими щупальцами еще и вещественно. Радио – это привет деревне от новейшей индустрии века, от высоких технологий. Ты взвесь, в каком средневековье жили: рядом с приемником еще стояли веретено и мотовило. Небось, и не знаешь, что это?

— Про веретено слышал. А мотовило – это сельскохозяйственное орудие, что ли?

— Ладно, не смеди...

— Ну а причём тут радио? Вообще как бы прогресс...

— Смотри: мой дед соорудил детекторный приемник – по описанию брошюры – из дощечек и консервной жести, чтобы принимать сводки Информбюро. Из серы и свинцовых опилок сплавлял кристалл.

Но требовался станиоль (фольга то есть) в самодельные конденсаторы. Для катушки дед специально доставал звоноквый провод.

— Как-как, «звоноквый»?

— Да, так называли. Нужны были наушники – изделие фабричное, сложное, на печке не изобразишь. В деревне им дивились как чуду.

А радиолампы? Стеклянная светящаяся колба с тончайшими волосками внутри – воспринималась фантастическим порождением новейшей техники. Она и была таковым.

— Да ладно тебе... Сейчас техника, это я понимаю. А твои лампы – примитив.

— Ты неправ. Радиолампа – это редкие металлы, микронные точности, глубокий вакуум. И сейчас лампы намного дороже полупроводников. Взгляни-ка!

Иван Иванович выдвигает ящик. Ну, так я и знал: всякий хлам, железяки, какие любят копить старые «умельцы». Впрочем, довольно занятно, таких радиоламп я и не видел никогда. Коллекция!

— Вашему поколению, Борис, трудно осознать... Для нас, людей тогдашних, возможность слышать мир была неотделима от теплых огоньков внутри вот таких колб. Ты недавно хвалился новым музыкальным центром – хорошая машина. А скажи: тебя интересует, что у него внутри?

— Брось, Иванович, смеешься... К чему бы мне, я не радиомастер.

— Вот видишь, а тогда гордились: у одного приемник на пяти лампах, у другого на шести! Согласись, к нынешним черным, каким-то бездушным коробкам и отношение другое.

— Ха-ха, вот тут согласен. Но что-то захмелели мы с тобой... Я завтра еще заскочу: давно хотел задать один вопрос.

3

День короткий, предпраздничный; да никто у нас и не работал толком. Заверну-ка я к соседу.

— Вот, посмотри, Борис!

— Что тут у тебя? Да это же, кажется, мыльница пластмассовая. Понял – в ней приемничек. Твое творчество?

— Вот – сохранился; а с каких же годов? С начала шестидесятых; на полупроводниках. Вряд ли теперь заработает...

В память о деде осталась мне, Борис, одна старая книжка. С юмором рассказывает об умельцах, пытавшихся мастерить детекторные приемники в портсигаре.

— Вот еще клоуны, да зачем?

— Видишь ли, миниатюрное радио – издавна было интригующей мечтой. Сейчас не представить себе всеобщего помешательства в те удивительные годы, когда музыка, громко играющая из кармана, вдруг стала реальностью. Люди, далекие от техники – и те старательно корпели дома с паяльником.

Драгоценные черные шляпки полупроводниковых триодов передавались из рук в руки, часто – уже с отломанной от корпуса проволочкой, это не смущало: зачищали краску, подпаивали суррогатный вывод.

Пособий по транзисторным схемам вовсе не было. В редких книгах давались заумные описания энергетических уровней в кристаллах, каких-то четырехполюсников... Мы, радисты, даже не пытались вникнуть во всю эту дребедень.

— А как же вы собирали вот такие поделки?

— Просто копировали схемы; они изначально происходили из журнала «Радио», а в конечном итоге перерисовывались друг у друга, часто с ужасными ошибками. Впрочем, и в оригинале-то эти схемы, как я позже понял, были малограмотными. Нередко действовали они совсем не так, как полагали их авторы.

— Ну и ну!

— Собранная конструкция редко сразу работала. Примитивные схемы нуждались в кропотливой отладке, а для нее не было у домашних мастеров ничего – ни приборов, ни знаний. Впрочем, непросто еще и приступить-то к монтажу. Для приемника в мыльнице требуются миниатюрные детали – где их раздобыть?

— А купить не пробовали?

— Ты смеешься, конечно – застал же сам то время! Радиомагазины имелись только в крупных городах, да и мало что можно было там достать. В Москве знали два главных магазина: один на Пятницкой...

— Это в нем сейчас «М-Видео»?

— Не знаю, не был давно... Другой на Колхозной площади. В лучшем положении были радиоклубы: получали материалы для кружков из промышленности, иногда от армии. И все равно, речь шла не о том, что нужно, а о том, что дадут.

— А как же обходились?

— Отчасти – разборкой старой аппаратуры, списанного оборудования. Ну, и приносили с работы, конечно. Я работал в институте...

— Ха, выходит, как бы воровали – если уж начистоту? У государства.

— Знаешь, тогда это выглядело иначе... Смотрели сквозь пальцы. Вот тебе пример: в журналах печатались чертежи для вытачивания деталей самодельного магнитофона или еще чего. Но все знали, что ни у кого в СССР не может быть токарных или фрезерных станков в личном пользовании, да и заготовки в магазине не купишь, нержавейку, бронзу! Вот такое всеми принятое лицемерие.

Жизнь брала свое. Тем более, при плановом снабжении – на заводах, в институтах скапливались «неликвиды», которые все равно некуда было девать. Опять же и отходы...

Эх, Иваныч... Как будто оправдывается, чудак – защищает тогдашние порядки и тогдашних людей. А чего там оправдываться, все крутились, как могли. Мой отец, помню, тоже тащил всякую всячину с работы... Никто не осуждал. Понимали: все одно – пропадет в чудовищной воронке «индустрии».

А тут какое-никакое, а творчество. Креатив, как говорит этот крендель – наш нынешний босс. Сейчас даже модно.

4

Сегодня проснулся поздно, уже и парад закончился, наверно. Хотя, кто его и смотрит, этот парад; одни ветераны. Кстати, надо уж зайти, поздравить Иваныча. И еще – не спросил вчера одну вещь...

— Спасибо, Борис, и тебя с праздником! Праздник-то какой; в День Победы всегда поминаю отца, Ивана Серафимовича, хоть и не помню его – мал еще был. Призвали осенью сорок первого, а уже зимой на отца пришло извещение...

— Похоронка, что ли?

— У нас не говорили – похоронка. Извещение. «Похоронка» – это я уже позже прочитал в книжках. Пренебрежительно как-то, не повернулся бы язык.

Важный документ, сберегали за иконами. От отца не осталось ведь медалей, орденов, – не давали тогда. А тут все-таки написано: «верный воинской присяге, проявил героизм и мужество» – как будто бы удостоен награды. Зачитывали соседям, знакомым.

Не забывай, что по такой «похоронке» назначали пособие.

— Вот что, дядь Ваня: я вспоминаю детство. У знакомых был дорогой приемник «Океан» – я завидовал, конечно. Их отец, бывало, включал во дворе на полную громкость «Радио Свобода» на коротких волнах; мои родители ворчали: антисоветчина. Сейчас кругом говорят про «железный занавес», доносы, репрессии и прочее, но вот не боялись же слушать... Как оно было, по-твоему?

— Видишь ли, Борис: тут парадокс, которого и я не понимаю. В нашей суровой стране нельзя было самовольно перекопировать даже листок бумаги. Любая инструкция к мясорубке проходила сперва цензуру. Опасались распространения чуждой идеологии, что ли... А той порой – радиозаводы выпускали миллионы приемников с соблазнительными диапазонами дальнего приема.

— А не считаешь, что причиной масштабы страны? Возьми Сибирь, Север – услышать голос столицы и можно было, вероятно, только на коротких волнах.

— Да бывал я в командировках, поездил по отдаленным районам. И как раз там, в глубинке, чаще стояли у людей примитивные дешевые модели – какая-нибудь двухламповая «Тула». Представь, даже и с ними повсюду легко принимались передачи вещательных станций, пусть из областного центра. На худой конец, есть радиоточки. И, тем не менее...

Сейчас я покажу тебе одну реликвию.

— Что это?

— Такая карточка придавалась в Германии к каждому радиоаппарату при покупке. Трофей, привез с войны дядя, я был тогда пацаном.

— Что здесь напечатано? Я по-немецки не очень...

— Перевожу. «Прием иностранного передатчика – это преступление против национальной безопасности наших народов. По приказу фюрера (ну, то есть вождя) оно карается суровым тюремным заключением».

— Ого! А у нас?

— Я не слышал, чтобы кто-то подвергся репрессиям за прослушивание «вражеских» станций. На моей памяти, по крайней мере.

Ловить на коротких волнах зимними ночами, когда стрелка мягко движется по тепло светящейся шкале, а радиодиапазоны, кажется, ломаются от заграничных передач... К этому развлечению власти относились столь же терпимо, как и к нашей русской пьянке.

— Удивительно...

— Однако скажу тебе, как специалист: все эти дешевые бытовые приемники – чепуха на постном масле. Плохая избирательность по зеркальному каналу и прочее.

— Для меня это китайская грамота.

— Даже сравнительно простой ТПС, для сельских радиоузлов, и то – как будто попал в прозрачную воду после мути свистов и помех. Имеются у него такие диапазоны, где дальние станции можно слышать даже днем.

— Не знаю о таком приемнике...

— Вот он стоит в углу.

Ага, этот жестяной ящик с плексигласовым указателем я видел и раньше. Старье, конечно. Однако сейчас подобное даже в моде, считается – винтаж... Босс нашей девелоперской компании собирает старые приемники в деревянных футлярах, платит дорого краснодеревщику за реставрацию; красиво.

— Этот я сам собрал из набора – продавался в магазинах. К нам приезжали инженеры из Штатов, рассказывали, что и у них популярны комплекты для сборки. Все говорили: «кит, кит».

Когда я проходил военную службу в Сокольниках, были там спецприемники «Крот», «Мельник»... Мы, радисты, ощущали себя когортой избранных. Как бы сказать – вроде врачей, которым по роду их деятельности открыты внутренности человека, куда обычным людям доступа нет.

— Признайся, дядь Ваня, что вы были этими самыми... диссидентами. Все-таки слушали «Голос Америки», Би-би-си...

— Понимаешь, политические передачи всех этих «голосов» мало кто воспринимал всерьез. «Пуцай клеветку» – из тогдашнего анекдота. Хочешь – верь, хочешь – нет, но такой и была реакция на иновещание.

— Так что же, неужели не слушали?

— Почему же, слушали.

Прослушивание запретного щекочет нервы, да и приятен сам факт: слышишь как-никак через полмира. Льстит, что передача адресована будто лично тебе, человеку широких взглядов, да не каждый ведь и может ее принять.

— Сам же говоришь, что вроде бы неуклюжая пропаганда.

— Конечно, но нам-то, избранным, это известно напрямую, а не из газет!

Больше ловили музыку: рок-н-ролл, твист. Один мой коллега мог часами слушать британский аэродромный радиомаяк со склеенной в кольцо лентой бесконечно повторяющейся песенки: «Kiss me, Honey, Honey, Kiss me».

— Погоди-ка, у меня есть ретро-диск с этой песней! Знаменитый хит Ширли Бейсси.

— Вот видишь, «хит»... Мы тогда этого не знали.

— Заходи, я тебе поставлю: вспомнишь молодость.

— А что, с удовольствием. Но пока – ступай: жена ждет, я думаю. Небось, собрала уже праздничный стол.

И то верно. Сколько можно вспоминать прошлое – никому оно, по-настоящему, не нужно.

Никому еще ни в чем не помогло.

5

Что-то сдал наш радист. Кажется, даже ростом сегодня меньше. Раньше не замечал я, что он такой – похож на мальчика.

— Какой-то ты, дядь Ваня, нынче бледный – болен, что ли?

— Так, что-то не по себе. Да ладно. Ты, Борис, строитель, и должен хорошо знать Москву. Вот тебе вопрос: где находилось «Стереокино»?

— Вроде, на ВДНХ. Или нет, не знаю, позор мне.

— Удивительно, что и люди немолодые не помнят – пожимают плечами. Хотя кинотеатр торчал, можно сказать, у всех на виду: в здании, примыкавшем к гостинице «Москва». Такой желтый дом – он был, кажется, даже памятником, архитектуры или истории.

Почему-то много раз горел. В итоге его снесли, сделали пристройку к гостинице, на века. Никто не думал, что век ее окажется недолгим...

— Вот уж об этой истории, Иваныч, ты меня спроси. Там такие дела были, если тебе рассказать...

— Ладно, оставь. Я-то о другом: тогда, во дворе старого дома, в подвале, располагался городской радиоклуб. Удивительное место, куда мог зайти с улицы кто угодно. Заглянуть в уютные комнатки-лаборатории, где ковыряются над своими конструкциями самодельщики, встретить друзей, обменяться новостями.

В коридоре стоял шкаф, и можно было порыться в поступивших по почте QSL картах, отобрать свои...

— Не понял... QSL – это как расшифровывается?

— Никак. Условный код, доставшийся радиолюбителям от морской связи. Каждый радиообмен в эфире подтверждался потом обменом специальными почтовыми карточками. Вот, погляди!

Иваныч лезет в ящик, достает несколько открыток. Ничего особенного, напечатано что-то по-английски.

— Вот, Борис, видишь – позывной радиостанции. Заполнены графы: когда, с кем, в каком диапазоне проведена связь. Вот смешная карточка американского любителя. Изображен он сам, ночью, за передатчиком. Смотри-ка, жена тянет его в постель, а он не в силах оторваться от эфира!

— Понимаю, что тогда подобные сюжеты вас забавляли...

— Не то слово. Такая раскованность была в нашей стране совсем не принята. Это карточка моего друга Феликса Покровского. Позывной UA3BK. И – просто фото какой-то большой московской улицы.

— Ну, уж не какой-то: это, Иван Иваныч, Кутузовский проспект, мы там строим. Место выглядит сейчас немного иначе.

— Тебе виднее. Пойми вот что. В то время переписываться с заграницей было немислимо. Работая в секретном институте, я был обязан доложить куда следует о любом случайном контакте с иностранцем.

А вечером выходил в эфир, через точки-тире связывался со всем миром. Имел десятки зарубежных друзей, пусть заочных. Получал из-за рубежа вот такие открытки. И мне за это ничего не было! Еще одна странность тогдашней жизни.

— Если честно, ну и что особенного в этих открытках?

— Ты не понимаешь: в советское время любой листок с иностранным текстом привлекал внимание, вызывал интерес. Иногда и нездоровый.

— Иваныч, точно! Я и сам вспоминаю, как мы, дети, дорожили заграничными проспектами с выставок. На иностранном языке даже лучше (хоть и непонятно). Чувствуешь себя как бы причастным к далекому, большому миру.

— Вот именно. Радиолюбители гордились полученными карточками, принято было развешивать самые красочные по стенам. А ты знаешь, что пересылаются они по всему миру бесплатно?

— Ничего себе! Выходит – чью-то забаву еще государство и оплачивает?

— Видишь ли, Борис, это не совсем забава. В официальных документах называется: радиолобительская служба. Был такой французский фильм «Если парни всего мира». О том, как радиолюбители приняли сигнал бедствия с корабля, помогли доставить на борт спасительную сыворотку. Но и в жизни подобное нередко случается – при стихийных бедствиях и прочем.

А вообще, уловить в наушниках слабый писк дальнего передатчика, понять (по его позывному), что попалась редкая станция – удовольствие сродни тому, какое доставляет маньяку-филателисту редкая марка далекой, неизвестной почти никому страны.

— Да ты, Иван Иванович, рассказываешь прямо как писатель, а кстати, не пишешь ли? Сейчас все писатели. А тебе-то, наверно, есть, о чем вспомнить.

— Ты меня поймал, Борис; скажу по секрету: пишу кое-то, из былого.

Позвонил старый друг – из Краснодара. Оказывается, нашлись люди, которым безразлична история. История русского радио. Выделены деньги, устраивается конференция – там, на юге. Приглашают радистов-ветеранов; не знаю, верить ли, но якобы должны прислать приглашение и мне.

Готовится большой сборник: исследования историков техники, воспоминания.

Жду сейчас оттуда письма.

— Что же, Иваныч, желаю тебе... Ты у нас молодец, а что, может, прогремишь еще. Не одним же ди-джеям быть известными.

— Тебе легко шутить. В твои годы я просыпался с радостным ощущением: впереди новый день, новые впечатления, люди, открытия. А в мои – погоди, будешь по утрам думать: слава Богу, еще одна ночь позади, а уж день-то как-нибудь переживу... Ну, иди себе.

6

Эх, Иван Иванович, день-то свой ты и не пережил!

Вернуться, что ли, туда, в комнату с занавешенным черной тканью зеркалом? Как будто осталось в ней что-то важное.

Впрочем, если сказать честно, кому интересны эти воспоминания смешных стариков? Да никому, кроме них самих.

Kiss me, Honey... Ну, навязалась же мелодия!